

ВЛАДИМИР ПРОНСКИЙ

ВКУС ТЕРЕНТЬЕВКИ

РАССКАЗ

Евгений Ремизов ехал из Москвы на встречу одноклассников с особым настроением: очень надеялся встретить Викторину, потому что тридцать лет не видел её и почти ничего не знал о ней. Изредка бывая в родном Пронске, он, конечно, встречал знакомых, иногда в разговорах с ними вскользь упоминалась Виктория Китаева или Вика. Тогда всякий раз закипала мысль самому что-либо разведать, но сделать это было непросто: мешала старая обида, родившаяся, казалось, из ничего.

Они той весной неожиданно поссорились, когда она не пошла с ним в кино, а он, в отместку, отправился в Дом культуры с её подружкой. Вот, собственно, и вся измена. Но в тот же вечер, узнав о предательстве, Вика устроила истерику, растрепав пухлые, красные от обиды губы, безутешно и беспричинно исходила слезами, нервно теребя льняную чёлку. Позже зачем-то нажаловалась матери: мол, Женя бросил, унизил, та, наверное, подумала бог знает что и, когда на следующий день Евгений пришёл мириться с Викторией, вытолкала его взашей, грубо сказав: “Чтобы вас, молодой человек, я более не видела в нашем доме!” Он по-настоящему обиделся, и более даже не на её всегда сердитую мать, будто работавшую воспитателем не в детском садике, а в исправительной колонии строгого режима, а на саму Вику. Ведь она ничего не сделала, чтобы уладить конфликт, а Ремизову даже показалось, что

ПРОНСКИЙ Владимир Дмитриевич родился в городе Пронск Рязанской области в 1949 году. Работал токарем, водителем, корреспондентом, редактором. Автор романа-трилогии “Провинция слёз”, романов “Племя сирот”, “Три круга любви”, нескольких книг повестей и рассказов. Публиковался в журналах “Молодая гвардия”, “Москва”, “Наш современник” и других. Лауреат премии имени А. С. Пушкина, Международной литературной премии имени Андрея Платонова. Член Союза писателей России. Живёт в Москве

она сама прогнала, не захотела до конца выслушать, вдруг превратившись в равнодушную и чужую, готовую в одно мгновение разрушить все чувства, собиравшиеся по капелькам. Сразу всё перевернулось. Будто они не гуляли ночными улицами несколько месяцев, боясь прикоснуться друг к другу, будто не целовались в палисаднике под старинной терентьевкой в пору её цветения, будто не хрустели румяными яблочками с фиолетовым отливом, подбирая их с земли и вытирая руками. Помнится, ранние яблоки удивительно и неповторимо пахли, на вкус казались немного пресноватыми, но сочными, — после них очень хотелось целоваться. И они целовались, чувствуя на губах этот вкус. Не смущало и то, что сидели под окнами, темневшими в ночи на фоне белёных стен, и Викина мать вполне могла наблюдать за ними, потому что на одном окне шторка всегда была сдвинута; Вика почему-то разрешала целовать себя только под окнами, словно выполняла чьё-то указание.

Став по-настоящему взрослым, Ремизов всё понял: и Викину мать, оберегавшую дочку, и саму Вику, не хотевшую расстраивать её. А тогда очень обиделся, но не сделал Вике ничего плохого: из гордости сам держался на расстоянии, надеясь, что вскоре всё у них наладится, и других парней не подпускал. Но она не знала этого.

Летом он подал документы в радиотехнический институт и успешно сдал вступительные экзамены. Годы учёбы проскочили быстро, хотя иногда казалось, что они бесконечны, особенно если в карманах не оставалось ни копейки. Но из любой ситуации находился выход: то сам подрабатывал, то перепадало от родителей. И всё это длилось до тех пор, когда Евгений получил диплом и был распределён в один из военных городков Мордовии, как специалист по радиоэлектронике. Неожиданно хорошо начал *получать* (слова “зарабатывать” тогда почти не существовало). Пришёл достаток, а вместе с ним и желание устроить жизнь. Ремизов женился, вскоре одна за другой появились дочки, в воспитании которых он почти не участвовал, пропадая на работе. Его усердие было замечено, и через пять лет его перевели на головное предприятие, базировавшееся в Москве. Вскоре он купил трёхкомнатную кооперативную квартиру и стал полноправным москвичом. Только бы жить и жить, но тут началась перестройка, военно-промышленный комплекс начали разваливать, и Ремизов остался не у дел. Но не без знаний и опыта. Пошёл работать в коммерцию. К тому же квартира досталась ему почти даром. Помнится, половинный остаток взносов однажды заплатил с одной полочки, потому что зарабатывал теперь по новым ценам, а выплачивал за квартиру по старым. В общем, грех было жаловаться.

Всё это происходило, казалось, недавно, но успело вырасти перестроечное поколение, для которого тогдашние события, что Октябрьская революция для Ремизова. Всё — история! В те годы, пока были живы родители, он раз в год заглядывал в Пронск, иногда проездом в Крым или из Крыма. Потом, после их смерти, продал с братом дом и приехал на родину одним днём: наведёт порядок на могилках, заскочит на минутку к учителям, и назад. И в отпуск перестал навещаться, так как зачастил за границу. С той самой поры, когда жена вдруг вспомнила молодость и начала подзуживать:

— Дочек выдали замуж? Выдали! Теперь надо о себе подумать! — говорила она, и Евгений легко поддавался её капризам, потому что и самому хотелось побывать там, куда долгое время было запрещено выезжать из-за государственных секретов, которыми когда-то владел.

Но теперь он далёк от того, что и секретами-то перестало быть, — создавал программное обеспечение для фирм, — и в отпуске был волен ехать, куда захочет, хотя в последние годы всё чаще вспоминался тихий Пронск. А когда месяц назад неожиданно позвонила одноклассница Зина Крупина, где-то раздобывшая его телефон, и пригласила на встречу выпускников, Ремизов тотчас согласился приехать, потому что сразу вспомнил Викторину и очень захотел увидеть её. Ведь это такой замечательный и естественный повод, что лучшего и не придумать! Поэтому не удержался, спросил:

— Китаева будет?

— Обещалась... — загадочно ответила Крупина, и её загадочность ещё более воодушевила.

Поэтому и ехал Евгений месяц спустя с особенным чувством, пообещав жене вернуться на следующий день. Ехал ровно настолько, чтобы встретиться с одноклассниками, погулять и, конечно же, поболтать с Викторией. Как же долго они будут говорить и вспомнить, чтобы хотя бы на несколько часов вернуться в удивительные и неповторимые дни, которые, казалось, закончились только вчера! Невольно спешил, словно скорость могла приблизить встречу. Обычно он замирал душой от вида, открывавшегося от поворота на древний Пронск, когда взгляд сперва охватывал привычные очертания высоченного Покровского холма, разукрашенного живописно прилепившимся строениями, а потом убегал, словно улетал, в неохватное пространство, в старину называемое Диким полем, открывавшееся за широкой долиной Прони. Но сегодня не до красот, пусть и родных, — сегодня в мыслях только она, Вика!

Ремизов оставил машину во дворе дома школьных учителей, а Валентина Ивановна — добрая душа — пригласила на ночлег, если вдруг появится такая необходимость. Ремизов знал, что дом Ананьевых всегда открыт для учеников, и многие из них, при необходимости, принимали такое гостеприимство. Принял и он.

— Мы-то с Виктором Аркадьевичем всё лето в доме по привычке ютимся, а тебе постелю в беседке... Как хорошо в саду, на свежем воздухе! — сказала Валентина Ивановна, потряхивая золотистой причёской.

— *Merci beaucoup, mon professeur!* — ответил Ремизов по-французски, потому что когда-то она преподавала ему этот язык, и приветливо, благодарно улыбнулся.

Учительница поняла его настроение и подыграла:

— *Pas de quoi!*

Пока они беседовали, из веранды показался Виктор Аркадьевич — чернобровый, строгий на вид даже и тогда, когда улыбался. Говорил с Ремизовым охотно, но от встречи с учениками уклонился, стеснённый радикулитом. Когда Валентина Ивановна собралась, он осторожно добрался до калитки и указал на мелькавших у школы нарядных людей:

— Ваши уж собираются...

До школы всего-то полсотни шагов. Обычно в последние годы говорили “До новой школы”, потому что старой более не существовало. Лет уж десять прошло, когда тогдашний руководитель района переполошил Пронск, узаконив снос старинного здания, первоначально в котором когда-то размещалась женская прогимназия, и остатки школы бесцеремонно спустили под бугор, хотя были предложения использовать трёхэтажное, массивное строение с цокольным этажом по другому назначению. Теперь время отдалило те баталии, и с каждым годом всё меньше вспоминали о старой школе, поставленной век назад фон Дервизом — выходцем из семьи обрусевших немцев, а все встречи выпускников начинались на ступеньках новой, построенной на месте крохотного городского парка.

Из трёх классов их выпуска собралось человек двадцать пять. Кого-то Ремизов узнавал сразу — это более относилось к мужской половине, кого-то нет — особенно располневших одноклассниц, но все, в конце концов, распознали друг друга.

К началу встречи в вестибюле были накрыты столы, и после вступительных слов Валентины Ивановны — казалось, что она совсем не изменилась, — все чинно расселись и начались тосты: за учителей, за старую школу, за родной Пронск!

В перерыве, когда Володя Агапов, блеснув матовой лысиной, взял баян, Ремизов отозвал в сторонку Крушину, жившую в Пронске и всё обо всех знавшую, и тихо спросил:

— Зин, а что же Китаева не приехала?

Цветущая от хорошего настроения и внимания одноклассников, высокая, по-девичьи стройная Зина подозрительно улыбнулась, полюбопытствовала:

— Что, старая любовь не ржавеет?!

— Да так просто спросил...

— Ладно уж — “так просто”... Приболела она. А зимой мать похоронила — никак в себя не придёт. Так что позвони, помоги отвлечься. Сейчас телефон дам...

Пока одноклассники, разбившись на пары, устроили танцы, Зина достала из сумки записную книжку, авторучку, черкнула и оторвала листок с номером мобильного телефона Виктории:

— Прямо сейчас и звони в Рязань! Узнай, где она? Может, задерживается?!

— На мужа нарвусь...

— Они развелись, она теперь одна, не считая сына... Спроси, почему не приехала?! Да на чай напросьись... Тебя учить, что ли, надо?!

— Попозже позвоню, — отговорился Ремизов и понял, что смутился от подсказок суетливой Зинаиды, хотя внешне не выдал смущения.

Ему действительно захотелось тотчас позвонить Виктории, узнать, почему не приехала, и, быть может, умчаться к ней. И он поехал бы, но вспомнил, что пропустил несколько рюмок, и теперь машина недоступна до завтрашнего дня. "Это и к лучшему, — подумал Евгений, — нечего пороть горячку!" И чтобы забыться и более не угнетать себя печалью воспоминаний, ворвался в круг танцующих и крикнул баянисту:

— Цыганочку, маэстро!

— С выходцем! — поддержала Ремизова крепенькая, всегда улыбающаяся Татьяна Хоботкова.

И началось... Одноклассники плясали так, словно забыли о тридцати годах, прошедших после школы. И жара им нипочём. Когда утомились, вышли на воздух. Мужчины закурили, а Ремизов неожиданно разговорился с Валентиной Ивановной, беседовал с ней будто с родной матушкой. Вопросы самые обычные, какие задают все матери: о семье, детях, работе. И Ремизов с необыкновенной лёгкостью рассказывал о себе и находил в этом радость.

Потом они, выпускники тридцатилетней давности, не раз садились и выходили из-за столов, пели, танцевали. Только под вечер Валентина Ивановна оставила их, когда самые стойкие и общительные переместились во фруктовый бар, закрытый в тот день, но Зина Крупина у кого-то добыла ключи. Они устроили складчину: запаслись вином, фруктами, конфетами и продолжили гулянье дотемна.

В какой-то момент Ремизов решил прогуляться, ему захотелось побыть одному, чтобы остыть от впечатлений, да и просто передохнуть. Сперва он даже и не понял, почему пошёл к заводской окраине — получилось само собой, — но чем далее уходил от светившегося огнями бара, тем сильнее хотел посмотреть на дом Вики. Хотя бы издали. Редкие фонари освещали дорогу, и вскоре он остановился перед тёмными окнами, наполовину заслонёнными разросшимися мальвами, от которых веяло горьковатым, холодным ароматом. За окнами угадывались занавески, но на одном окне, напротив сохранившейся скамьи, занавеска была сдвинута, как в прежние годы, словно в доме продолжал кто-то жить и теперь наблюдал за Евгением; даже показалось, что там кто-то мелькнул... Знобкую эту мысль он быстро отогнал, вспомнил, как когда-то здесь целовался с Викторией, вспомнил и скособочившуюся от старости терентьевку и даже увидел зелено мелькнувшие в свете уличного фонаря яблоки. Надо же! Плодоносит! Сорвал одно, надкусил — она, терентьевка! Вкус ничуть не изменился, даже оказался более терпким, чем прежде. Он с необыкновенной остротой всколыхнул воспоминания, показалось, что Вика где-то совсем рядом, всё видит и слышит... И неудержимо захотелось поговорить с ней. Он достал листок с номером её телефона и, нисколько ни колеблясь, набрал нужные цифры, и после нескольких гудков услышал взволнованный голос, который — вот чудо! — совсем не изменился.

— Кто это? — осторожно спросила она.

Чтобы не спугнуть, Евгений сказал как можно спокойнее:

— Здравствуйте, Виктория! Вам звонят из Пронска. Моя фамилия Ремизов. Я вместе с вами учился! — И после паузы, в которую Виктория, видимо, что-то соображала, Евгений добавил мягче: — Вика, это я — Ремизов! Вспомнила?

— Ремизов... — повторила она его фамилию почти по слогам. — Вспомнила, Женя, вспомнила...

— Узнал сегодня твой телефон и решил позвонить. Не разбудил?
— Я пока не укладывалась...
— А мы гуляем... Тебя не хватает!
— Крушина звонила, но я не смогла приехать, очень занята...
— Жалко, так хотелось увидеться... Вот сейчас сижу на нашей лавочке, ем терентьевку и тебя вспоминаю... Помнишь терентьевку?

— Помню, всё прекрасно помню... Ты, слышала, в Москве живёшь? Женат?

— Да. Двое дочерей, обе замужем. Жду внучку.

— А у меня сын... Всё в холостяках ходит. Мужа, как ты, наверное, знаешь, нет: был да сплыл... Вот сейчас говорю с тобой, а совсем не представляю, каким ты стал: перед глазами прежний вихрастый, угловатый Женька.

— В чём же дело?! Завтра буду возвращаться в Москву, можно увидеться, поговорить.

Она задумалась, а когда молчание затянулось, порывисто спросила:

— Ты действительно хочешь увидеть меня?!

— Если бы не хотел — не звонил...

— Когда завтра приедешь?

— После обеда, надо сперва побывать у родителей на могилках.

— Как справишься и будешь выезжать, позвони.

— Договорились!

Он отключил телефон, какое-то время сидел на скамейке недвижно и вспоминал разговор, показавшийся сном, почему-то заставившим быть задумчивым, даже печальным. И всё вокруг показалось печальным, даже склонившиеся бледно-розовые цветущие мальвы и одиноко скрипевший в траве сверчок. Сорвав несколько яблок, Ремизов пошёл назад, но в баре огней уж не было, и он отправился к Ананьевым, увидел, что Валентина Ивановна ждёт его.

— Bonsoir! — заглянув на веранду, шуточно сказал Ремизов, настраиваясь на иной лад.

Учительница улыбнулась:

— Нагулялись?

— Да, Валентина Ивановна!

— Под душ пойдёшь?

— Обязательно! — поспешно согласился упарившийся за день Ремизов.

— Тогда включу горячую воду.

— Спасибо, не надо, обольюсь холодной — это приятнее и полезнее!

Душ был летним, от дома к нему тянулись трубы от газовой колонки и, при желании, можно было окатиться тёплой водой, но Ремизову захотелось по-настоящему остыть, привести мысли в порядок. Когда облился и, не вытираясь, вышел в сад, где находился гостевой дом-беседка, то сделалось так знобко и радостно, словно родился заново. И появилась необыкновенная ясность в мыслях. А в мыслях только она, Вика. Даже дежурный звонок жене не отвлек; пришлось позвонить, обещал.

Виктория же после разговора с Ремизовым тоже не спала полночи. Ей вспоминалось, как по телу побежали мурашки, когда услышала голос Евгения, как чуть не задохнулась от нехватки воздуха... Сын в этот вечер отсутствовал, и она могла говорить спокойно, если можно говорить спокойно с человеком, который жил в душе с тех самых пор, когда они расстались. И, главное, не виделись, хотя первые годы жизни в Рязани она знала, что он учится в радиотехническом. Сама она тогда пыталась поступить в медицинский, но не удалось. Устроилась санитаркой в больницу, надеясь, что характеристика с работы поможет. Но — тщетно. И она оставила мечту о медицине, отдала документы в техническое училище, а после училища попала на завод. Так с тех пор и работала в инструментальном цехе: сперва слесарем по ремонту приборов, а потом табельщицей. Там же познакомилась с будущим мужем. После свадьбы несколько лет снимали квартиру, а со временем им выделили комнату в семейном общежитии на Вокзальной улице. Радовались тогда своему углу, в котором, как оказалось, они застряли

на долгие годы. И ничего не получалось с квартирой. Одно время почти дождались, но муж попал в вырезатель, и их отодвинули в конец очереди. А потом и вовсе всё переменялось в стране, об улучшении жилищных условий забыли, а когда вспомнили, пришло новое поветрие: ипотека. Завод начал строить дом для работников, но к тому времени Виктория жила без мужа, уставшего “гнить”, как он говорил, в общежитии, и стартовых денег на ипотеку не имелось. И от сына ждать помощи не приходилось, потому что тот с пятнадцати лет связался с какой-то компанией, и что бы ему ни говорила, как ни увещевала — ничего не помогало. Неделями где-то пропадал, а как появлялся, — денег ему давай! Ну и какая после этого ипотека?! А как бы хотелось пожить в отдельной квартирке. Э-х! А в последние годы и вовсе не до неё стало. Другая мысль засела в голове — о собственной ноге, потому что с некоторых пор, походив по врачам, Вика узнала, что у неё артроз тазобедренного сустава. Болезнь прогрессировала, и всё шло к операции, хоть завтра могли послать. Правда, операция по замене сустава платная, стоит немалых денег. Виктория, конечно, понемногу копила, но в какой-то момент поняла, что её накопления отстают от инфляции, если за несколько лет цена на эндопротез утроится. На импортный же вообще не замахнёшься. В минуты отчаяния у неё возникла мысль всё бросить, уехать в Пронск и жить в родительском доме. На её век хватит! Но когда так думала, то невольно в мыслях возникал сын. Ведь без неё совсем пропадёт. А взять с собой — там работы нет. Да и не поедет он, разве расстанется с друзьями?!

За мыслями и думами не заметила, как заснула, а проснулась — солнышко на деревьях играет.

— Ну, девушка, и хватила! — рассмеялась над собой.

Позавтракав, решила прибрататься в комнате на тот случай, если вдруг придётся пригласить Евгения. Начала с пустых пивных бутылок, оставленных сыном под столом, которые специально не выносила несколько дней, — ждала, когда сын догадается выбросить. Но теперь пришлось это сделать самой. Ведь не будешь показывать nepотpeбствo постороннему, хотя и не чужому человеку, — может подумать, что она любительница пива. Потом заново застелила диван сына, аккуратно заправила свою кровать за тяжёлой тёмно-вишнёвой ширмой, украшенной несколькими рядами целующихся голубей. Сделав влажную уборку, от которой линолеум заблестел как новый, решила пожарить курицу, чтобы угостить гостя, если ему вдруг захочется перекусить. Пока жарилась на электроплитке курица, Виктория нарезала колбаску и сыр, помыла молодую картошку, чтобы отварить, когда придет Женья... В общем, всё устраивала по уму, но в последний момент вдруг спохватилась: “А может, ему и не надо ничего, может, он бывает в таких престижных клубах и ресторанах, что на мою еду и не взглянет?! Да и как поведёшь мимо вахтёрши?! Ведь со стыда сгорит!” От внезапно кольнувшей мысли о вахте Викторию даже в жар бросило, она задыхнулась от обиды на свою неустroенную жизнь, из-за которой не может по-человечески принять гостя. На какое-то время отчаялась, а потом, успокаивая, ища оправдание незавидной жизни, заставила себя вспомнить давнюю размолвку и подумала: “Обойдётся без приглашения! Приглашение-то заслужить надо! А что он сделал особенного? Когда-то вильнул хвостом и был таков! А теперь любовь вспомнил! Как мило!”

Она неожиданно быстро охладела к предстоящей встрече, а когда после полудня позвонил Ремизов — говорила без вчерашнего придыхания.

— Увидимся? — сразу спросил Евгений.

— Можно... — всё-таки согласилась она, но не особенно уверенно.

— Где?

— Например, на I-й Рязани... У входа в вокзал... Когда тебя ждать?

— Буду через час, я на машине. Увидишь юношу в красной рубашке и синих джинсах, значит, это я... А тебя как узнать?

— Сама подойду... — не стала она ничего объяснять, решив, что дальше привокзальной площади и шага не ступит, и никаких ему приглашений не будет.

Обычно в город Виктория выбиралась с тросточкой, особенно зимой, ко-

гда скользко, но сегодня отказалась от неё. Зато зачем-то взяла хозяйственную сумку. Вышла пораньше, чтобы понаблюдать, как Ремизов подъедет. Любопытно посмотреть на него сперва издали, сравнить теперешнего с тем, которого знала когда-то, а потом подойти, улыбнуться и сказать: “Ну, здравствуй, Ремизов Жёня! Вот ты каким стал!” Она остановилась во дворе рядом с вокзалом, села на скамеечке. Со стороны и не догадаешься, что эта полноватая женщина в просторном сиреновом платье и неровно покрашенными обмякшими губами пришла на свидание. В какой-то момент она поняла, что со скамеечки может не увидеть Ремизова, и перебралась поближе к площадке, присела на какие-то плиты, положив на них сумку.

Наблюдая за площадью, Виктория вскоре увидела высокого, с залысынами мужчину в красной тенниске и синих джинсах, выбравшегося из подъехавшей тёмно-зелёной иномарки, и поняла, что это и есть Ремизов. К тому же он был с цветами, что подтверждало догадку. Надо бы сразу подойти, но чувства в этот момент смешались, перескакивая от воспоминаний к сегодняшнему дню, к самому Ремизову, нетерпеливо прохаживавшемуся перед входом в вокзал... Вот он достал телефон и позвонил, пытаюсь, видимо, узнать, где она, а Виктория, спохватившись, вспомнила, что свой телефон забыла. Она тотчас поднялась, чтобы более не заставлять себя ждать, но через несколько шагов, показавшихся необычно неуклюжими, — именно из-за своей неуклюжести не поехала на встречу с одноклассниками, — почувствовала, как от волнения заколотилось сердце... Нет, в таком состоянии она не могла идти, не могла говорить с Жёней — не знала, о чём надо говорить. И почему-то сделалось нестерпимо стыдно за утиную походку, к которой сама привыкла, но которой сейчас опарашит Ремизова. Ведь он ехал на встречу с юной и нежной Викой, помня её со школьных лет, а увидит перед собой расплывшуюся хромоногую тётку. И какое у него после этого будет настроение, какое потом впечатление увезёт с собой?! Ведь будет ругать себя и проклинать её за то, что осмелилась показаться в таком убогом виде! Зачем всё это? Чтобы потом всю оставшуюся жизнь снится ему в страшных снах?!

Она пуливно отступила, опустила на плиты и, закрывшись сумкой, тихо заплакала. Рядом гудели электровозы, надоедливо зазывали пассажиров таксисты, шаркали прохожие; некоторые предлагали помощь, но она лишь вздыхала и мотала головой, отказываясь. Сколько так томилась — не помнила. А когда немного успокоилась, то вытерла платочком слёзы, невольно посмотрела на вокзал и более не увидела на ступеньках мужчину в красной рубашке... И, как ни странно, ей стало легче, словно успела спастись от смерча. А обида? На кого теперь обижаться? На судьбу, что ли? Но её не переделаешь, не развернёшь вспять, как бы ни хотелось. Да и поздно поворачивать.

Виктория кое-как доплелась до общежития, молча прошла мимо вахтёрши, о чём-то спросившей, — Виктория не поняла, о чём именно, — и, держась за перила, тяжело поднялась на второй этаж, а в комнате, откинув ширму с надоевшими голубыми, упала на кровать. Здесь уж дала волю слезам.

Неоднократно металлически дребезжал на столе телефон, она знала, что это Ремизов, но трубку не брала — не было сил говорить с ним. Под вечер, когда он, видимо, вернулся к жене, сигналы прекратились. Правда, Евгений звонил в другие дни, Виктория хватала трубку, думая, что это сын, но, услышав голос Ремизова, отключала телефон, даже не пытаюсь хоть что-то объяснить.

И он всё понял и не стал более навязываться, всё-таки печалась от несостоявшейся встречи и сожалел о том, что и Вику напрасно взбаламутил, и сам обжёгся, желая вернуть то, что, наверное, вернуть невозможно. Да, похоже, и нечего было возвращать, если школьная, неумелая привязанность окончательно зарубцевалась, не успев перерасти в нестерпимое обоюдное чувство, способное заслонить все препятствия.

Какое-то время о поездке в Пронск ему напоминали лишь яблоки, которые возил с собой. Но вскоре они сморщились, усохли, как мало-помалу усохли и его воспоминания. Ремизов, наверное, навсегда забыл бы пустые переживания, но через неделю вернулся и неожиданно, словно весенний ветер, разволновал вкус давних терентьевок, сохранившийся со времён романтической юности и совсем, оказывается, не изменившийся за все эти годы. Такие, казалось, долгие, но истекшие одним днём.